

Политика памяти и мемориальная культура современной Ливии

Politics of memory and memorial culture in contemporary Libya

Кирчанов М.В.

Д-р ист. наук, доцент факультета международных отношений, кафедра регионоведения и экономики зарубежных стран, исторический факультет, кафедра истории зарубежных стран и востоковедения, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», г. Воронеж

e-mail: maksym_kyrchanoff@hotmail.com

Kirchanov M.V.

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Faculty of International Relations, Department of Regional Studies and Economics of Foreign Countries, Faculty of History, Department of History of Foreign Countries and Oriental Studies, Voronezh State University, Voronezh

e-mail: maksym_kyrchanoff@hotmail.com

Аннотация

Автор в представленной статье анализирует особенности и направления развития исторической политики как войн памяти в современных конфликтных обществах Ближнего Востока в контекстах Ливии. Предполагается, что конфликт в Ливии не только стимулируется социальными, политическими и экономическими причинами, но и противоречиями, основанными на взаимоисключающих представлениях о прошлом. Автор показывает, что войны памяти характерны как для отношений между странами региона, так и для отдельных обществ. Целью исследования является анализ роли коллективной исторической памяти Ливии как фактора, который стимулирует политические и военные конфликты в регионе. Новизна исследования состоит в сравнительном изучении войн памяти как фактора развития исторической политики и мемориальных культур в современных политически нестабильных и неустойчивых обществах Северной Африки и Ближнего Востока. В статье показано, что 1) различные видения и версии истории и прошлого Ливии стимулируют политические конфликты, 2) сирийские политические элиты вовлечены в процесс манипуляции с историей, что стимулирует инструментализацию прошлого, превращая его в политический ресурс, 3) войны памяти в Ливии стимулируют национализацию истории. Предполагается, что процессы строительства государство-нации в Ливии не завершены, что вынуждает правящие политические элиты использовать символический потенциал истории как мобилизационного ресурса. Предполагается, что история стала символическим полем битвы, а войны памяти стали универсальной формой развития мемориальных культур. Автор полагает, что 1) элиты активно используют символические ресурсы истории и продолжают эту политику в ближайшей хронологической перспективе, 2) гипотетически военно-политические конфликты могут быть урегулированы, что превратит историю в поле битвы, так как противоречия не могут быть преодолены полностью, 3) войны памяти могут стать универсальной формой внутренней и внешней коммуникации конфликтных обществ.

Ключевые слова: Ближний Восток, Ливия, конфликты, войны памяти, историческая политика, историческая память, мемориальная культура, национализм, ислам.

Abstract

In the article the author analyses the features and directions of development of historical politics as wars of memory in modern conflict societies of the Middle East in Libya contexts. It is assumed that social, political and economic reasons and by contradictions based on mutually exclusive ideas

about the past also stimulates memorial conflicts in Libya. The author shows that wars of memory are characteristic of both relations between countries of the region and national societies. The purpose of the study is to analyse the role of collective historical memory in Syria as a factor that stimulates political and military conflicts in the region. The novelty of the study lies in the comparative study of wars of memories as a factor in the development of historical politics and memorial cultures in modern politically unstable and unsustainable societies of North Africa and the Middle East. The article shows that 1) different visions and versions of Libyan history and the past stimulate political conflicts, 2) political elites of Libya are involved in the process of manipulation of history, which stimulates the instrumentalization of the past, turning it into a political resource, 3) wars of memory stimulate the nationalization of history. It is assumed that the processes of a nation-state building in the region are not completed, forcing the ruling political elites to use the symbolic potential of history as a mobilization resource. It is assumed that history in Libya became a symbolic battlefield, and memory wars became a universal form of development of memorial cultures. The author believes that 1) the elites actively use the symbolic resources of history and will continue this policy in the near chronological perspective, 2) hypothetically military-political conflicts can be resolved, which will turn history into a battlefield, since contradictions cannot be completely overcome, 3) memory wars can become a universal form of internal and external communication of conflicting societies.

Keywords: Middle East, Libya, conflicts, memory wars, historical policy, historical memory, memorial culture, nationalism, Islam.

Введение

В политической аналитике Ближний Восток часто называют конфликтным. Фактически на территории современного Ближнего Востока протекает несколько продолжающихся конфликтов. Системной особенностью регионального конфликта является появление новых участников. В то же время в современной научной литературе и политической аналитике конфликты на Ближнем Востоке зачастую редуцируются по военно-политическим или экономическим противостояниям, вызванным нехваткой и неравным доступом к ресурсам. В литературе подчеркивается политическая или экономическая часть этих конфликтов.

В современной историографической ситуации конфликты интерпретируются как военно-политические и экономические, но в то же время почти все эти конфликты имеют иные основания, связанные с разными национальными и религиозными идентичностями, которые не только сосуществуют, но и также конкурируют друг с другом. За несколько десятилетий акторам, вовлеченным в конфликты, удалось выработать собственную идентичность, которая характеризуется разным уровнем консолидации и политической институционализации в публичном и общественном пространстве отдельных стран.

На территории Ливии продолжается гражданский конфликт между различными региональными центрами силы, отягощенный многочисленными политическими, социальными и экономическими противоречиями, вовлеченных в него сторон. Одним из факторов, который стимулирует гражданский конфликт, является историческая память, точнее – деформации и диспропорции в ее развитии, которые возникли на протяжении предшествующих десятилетий, когда страна стала объектом политических экспериментов авторитарного режима, падение которого привело к фактическому кризису государственности, ее фрагментации и распаду.

Пришедшие к власти политические элиты стремятся выстраивать такую модель развития, которая соотносилась бы исключительно с их узкими клановыми и региональными интересами. Подобная политика неизбежно стимулирует кризисные тенденции.

Воздействие последних могло бы оказаться менее деструктивным, если бы элиты ранее и на современном этапе уделяли бы больше внимания развитию политической и гражданской идентичности, а также коллективной исторической памяти как одной из ее основ.

Цель и задачи

В центре авторского внимания в представленной статье будет мемориальная перспектива современных конфликтов на территории Ближнего Востока. Целью статьи является анализ того, каким образом коллективная историческая память Ливии стимулирует политические и военные конфликты в регионе.

В число задач автора статьи входит:

- 1) изучение особенностей войн памяти в Ливии;
- 2) выявление и уточнение состава акторов и институций, вовлеченных в мемориальные конфликты;
- 3) анализ перспектив перетекания и трансформации конфликтов из «горячей» фазы в направлении формально более спокойной и умеренной стадии, которая условно может быть определена как «мемориальная конфронтация» или «войны памяти».

Методология

Настоящая статья, с точки зрения методологии, основана на подходах, предложенной в современной междисциплинарной историографии, сфокусированной на изучении исторической памяти и исторической политики. Актуальная историографическая ситуация ознаменована значительным ростом интереса к проблемам исторической памяти и политики памяти.

Американский историк Дэвид Рифф, комментируя в определенной мере повышенный интерес к памяти, сравнивает его с гипертимезией – «редким медицинским состоянием», в основе которого повышенный интерес к определенным моментам собственного прошлого. Поэтому в современной исторической науке, по мнению Д. Риффа, «для скептического взгляда современное возвышение памяти и осуждение забвения могут показаться не чем иным, как гипертимезией в широком смысле» [14]. В историографии коллективная историческая память воспринимается как преимущественно политическая категория и идеологический конструкт, связанный с процессами как политической мобилизации масс, так и конфронтации элит.

В этом контексте историческая политика может актуализировать воображаемый характер современного социума, функционирование которого легитимируется при помощи изобретенных традиций. В этом контексте «прошлое не умерло... индустриальное и постиндустриальное общество не нуждается в подпорках обветшавших традиций, а современная наука истории освобождает нас от тирании прошлого» [12. Р. XXIV]. Такое «освобождение» в значительной степени условно, так как включает современные идентичности в пространство различных мемориальных культур, отношения между которыми конфронтационны. Агентами политики памяти являются политические элиты, общественные активисты и средства массовой информации, которые формируют представления о прошлом и мемориальную культуру того или иного общества.

В такой ситуации профессиональные историки могут оказаться отстраненными от проведения политики памяти или выполнять в ее рамках второстепенные роли. Если историк-профессионал «подходит к прошлому со своей конкретной точки зрения как ученый, рассматривая социальные группы со стороны, стремясь раскрыть причинно-следственные связи, лежащие в основе прошлых событий, посредством применения рационально-объективных научных методов» [17], то агенты исторической политики от таких ограничений фактически свободны.

Поэтому, для современной ситуации в развитии истории как науки, по мнению немецкого историка Д. Вайднера, характерны «моменты дезориентации и вызовы сегодняшнего дня, поэтому невозможно понять, если человек сосредоточен исключительно на будущем или мыслит исключительно в русле современности. Они требуют активной и творческой памяти, вопросы культурных конфликтов, политических представлений или культурной памяти в многокультурном мире следует рассматривать как общественные вызовы, выходящие за рамки установленных границ дисциплин» [18].

Поэтому политика памяти может контролироваться элитами, что ведет к ее институционализации и появлению специализированных институтов исторической памяти, формирующих мемориальную культуру и фактически вовлеченных в процесс инструментализации прошлого, подчинению истории нуждам и интересам элит и ее превращению в политический ресурс.

Принимая во внимание универсальность исторической политики, все эти атрибуты в большей или меньшей степени присутствуют и характерны для политики памяти и мемориальных культур изучаемых конфликтных обществ современного Ближнего Востока.

Гетерогенность исторической памяти

Коллективная историческая память и производимая в ее рамках мемориальная культура в современной Ливии подобно другим арабским государствам подвержена фрагментации. Поэтому одновременно и параллельно соразвиваются две тенденции. С одной стороны, коллективная память существует в условиях постепенно углубляющегося расхождения и раскола разных мемориальных культур. Поэтому память является гетерогенной, так как отражает различные восприятия прошлого и образы истории, воспроизводимые в рамках культур памяти различных социальных, политических и культурных групп.

С другой стороны, в современной Ливии существует собственно память ливийских арабов, которая соседствует в публичных и общественных пространствах с памятью берберских миноритарных групп. Кроме этого память, подверженная фрагментации по идеологическим принципам, развивается как множественная. В рамках современной мемориальной культуры локализуются как магистральные, так и маргинальные формы коллективной исторической памяти. Если одни версии памяти генетически восходят к режиму Муаммара Каддафи, то другие имеют отличную генеалогию, формируя альтернативные памяти, основанные на развитии новой мемориальной культуры Сирии после Каддафи. Кроме этого возникают, точнее – реактуализируются, память о монархической Ливии, а также и память миноритарных групп, представленные, в первую очередь, берберскими формами коллективной памяти.

Коллективная историческая память Ливии еще в период пребывания у власти Каддафи подверглась значительной трансформации, связанной с попытками зафиксировать различные версии памяти снизу, которые получили больше развития после его свержения. Правда, если во время правления Муаммара Каддафи память снизу не имела самостоятельного значения и направлялась центральными усилиями властей, будучи сфокусированной почти исключительно на фиксации исторических нарративов, связанных с борьбой за независимость и антиитальянского сопротивления, то в Ливии после свержения Каддафи память снизу оказалась представленной преимущественно нарративами и версиями прошлого, которые формально отличались антиавторитарной направленностью.

Вместе с тем, для знаний о прошлом в современном мире характерна уникальная динамика, основанная на их связи с политикой и идеологией в силу того, что «история – это часть гуманитарных наук, но история, возможно, ближе к политике и власти, чем некоторые другие разделы гуманитарных наук» [8]. Поэтому историческая память в Ливии на протяжении длительного времени подвергалась цензуре со стороны властей, что вело к редукции отдельных сюжетов и их постепенной маргинализации в мемориальной культуре [3].

В частности, в 1978 г. Центр ливийских исследований в Триполи начал организованный сбор с целью сохранения устных свидетельств бывших участников антиитальянского сопротивления. Правда подобная инициатива, которая формально могла интерпретироваться в рамках устной истории, получила весьма специфическую реализацию, так как основное внимание было уделено именно военной компоненте коллективной исторической памяти [5].

Структура интервью, которые брались у участников антиитальянского военного сопротивления, подчеркивала именно их участие и вклад в вооруженную борьбу. В такой ситуации значительная часть сюжетов, связанных с коллективными травмами и опытом взаимного насилия, подверглась направленной маргинализации. Часть сюжетов, связанных

с опытом итальянской оккупации, оказалась в тени, что содействовало тому, что мемориальная культура подвергалась цензурированию.

Поэтому коллективная историческая память развивалась в условиях сознательной редукции, цензуры и замалчивания отдельных сюжетов по сравнению с другими, которые составили основу мемориальной культуры.

Особенности исторической памяти

Подобная политика редукции в отношении памяти, которая практиковалась властями Ливии, не является их принципиальным достижением и изобретением. В этом контексте ливийские элиты были немногим лучше итальянских властей, которые активно скрывали факты о массовом насилии совершенных против ливийского населения в период с 1929 по 1934 г.

Известно, что по официальным данным в результате военной операции Италии в Ливии погибло более 80 тыс. жителей Ливии. Кроме этого, более 110 тыс. были вынуждены стать беженцами. В целом предполагается, что примерно более 600 тысяч ливийцев умерли от голода и болезней, которые стали результатом действия итальянских военных властей [15]. Вместе с тем, память о событиях в итальянской коллективной мемориальной культуре подвержена маргинализации и амнезии. Поэтому, «учитывая склонность человечества к агрессии, возможно, забвение может быть единственной безопасной реакцией» [14]. Что касается самой Ливии, то в ее мемориальной культуре подобные события, наоборот, воспринимаются как форма антиколониальной и правильной националистической освободительной борьбы ливийского народа против европейского, в данном случае – итальянского, колониализма.

Вместе с тем, если эти события подвергаются идеологизации и позитивной мифологизации, что ведет к формированию образа ливийцев как нации борцов. В этой ситуации другие факты, которые в данную схему героической культуры коллективной исторической памяти, не вписываются, подвергаются сознательной маргинализации и вытеснению на периферии коллективного исторического опыта.

Особенностью развития мемориальной культуры в Ливии, в отличие других арабских стран, является то, что в этой стране действуют специализированные институты, выполняющие роль близкую, но несопоставимую по масштабам той роли, которую в Европе играют специализированные институты памяти [6]. Вместе с тем, эффект от их деятельности следует признать ограниченным, что связано с незавершенностью процессов национального строительства.

Поэтому, анализируя специфику развития мемориальной культуры в Ливии, во внимание следует принимать «основное различие между национальным государством и традиционным государством, которое заключается в том, что высокая культура становится универсальной. Государство устанавливает культурные, образовательные и языковые требования к гражданам» [20]. Несмотря на то, что элиты Ливии пытались формально такого единства, основанного на унификации достичь, в полном объеме им этого сделать не удалось.

Элиты и историческая память

Некоторые инициативы элит все же направлены на достижение именно этой цели. В частности, в Ливии существует и активно действует Ливийский центр архивов и исторических исследований, который пытается сохранить коллективную историческую память [11].

С одной стороны, активность Центра направлена на сохранение больших нарративов в исторической памяти, что подчинено логике развития ливийского национализма как политического проекта.

С другой, Центр активно вовлечен в культивирование мемориальной культуры, которая формируется снизу путем коллекционирования индивидуальных свидетельств о прошлом и

организации специализированных выставок, в центре которых – мемориальные свидетельства, связанные с опытом отдельных ливийцев на протяжении 20 в.

Особенностью развития коллективной памяти в Ливии было то, что на протяжении второй половины XX в. особую роль в функционировании мемориальной культуры играл процесс воспроизводства нарративов, которые формировали образ Ливии как нации-жертвы. Память Ливии конструировалась через опыт именно политической исторической травмы, полученной в результате действий итальянских властей с 1929 по 1934 г. Если в итальянской версии исторической памяти события в Ливии подверглись маргинализации и намеренному, направленному забыванию, то в ливийской исторической памяти и мемориальной культуре события итальянского геноцида, наоборот, получили чрезвычайное развитие, что привело к тому, что память стала концентрироваться и развиваться вокруг отдельных сюжетов в то время, как другие воспринимались как менее значимые и менее важные, что привело к одностороннему развитию ливийской мемориальной культуры.

В этой ситуации последняя подверглась значительной мифологизации и идеологизации, центральным местом в рамках которой стало формирование образа Ливии как жертвы итальянской агрессии, с одной стороны, и европейского колониализма, с другой. Вместе с тем, во внимание следует принимать и то, что «у всякого мифотворчества есть своя служебная функция, выполнение которой облегчается удобством упрощенных, принятых на веру стереотипов массового сознания» [2. С. 10], которые облекаются в нарративы. Эти нарративы позднее получили развитие в современной Ливии после свержения Муаммара Каддафи, когда страна стала восприниматься как жертва множественных внутренних и внешних неблагоприятных обстоятельств – от итальянского вмешательства до европейского колониализма и авторитаризма собственно ливийских политических элит и классов.

Новые уровни мемориальной культуры

Поэтому историческая память в Ливии подверглась процессам интернационализации и транснационализации, так как история страны перестала быть собственно частью исключительно ливийского национального исторического воображения и политического опыта [10]. Интернационализация конфликта после свержения Каддафи привела к тому, что наряду с ливийскими акторами в развитии мемориальной культуры в Ливии особую роль стали играть внешние силы, которые сами предлагали значительные усилия для конструирования и культивирования, а также дальнейшего продвижения собственного видения ливийской истории. Ливийская мемориальная культура отличается значительной уникальностью и в том плане, что наряду с, собственно, ливийской и европейскими версиями исторической памяти, мемориальная культура была вынуждена актуализировать потенциал внутренней гетерогенности, что связано с возможностью картировать в коллективной памяти опыт берберских групп несмотря на то, что такую возможность от получили позже, чем арабское большинство.

Мемориальная конфронтация привела не просто к войнам памяти, но и стала стимулом для маргинализации определенных материальных и пространственных объектов, связанных с актуализацией в Ливии образов режима Муаммара Каддафи. Примером подобной маргинализации в пространственной перспективе стала судьба Абу Салима – комплекса зданий тюрьмы, где содержались политические заключенные [7].

После свержения Каддафи здания были заброшены, а память была подвергнута коммерциализации. Вместо создания музея, посвященного политической борьбе против режима Каддафи, вместо попыток зафиксировать в коллективной памяти опыт насилия и политически мотивированного террора, на территории бывшей тюрьмы был создан один из самых крупных в Ливии автомобильных рынков, где продавались поддержанные машины. Несмотря на попытки ливийских властей после свержения Каддафи заняться проработкой прошлого и найти возможности преодоления болезненных моментов в коллективном историческом опыте, этого не было сделано. В такой ситуации история тюрьмы Абу Салим стала частью индивидуальных и личных историй, которые функционируют в качестве основы

альтернативной памяти, продвигаемой снизу в то время, как официальные власти Ливии предпочитают этот сюжет тяжелой мемориальной культуры, формируемый через призму травмы, игнорировать и не замечать.

В современной Ливии отношение памяти связано с универсальными трансформациями восприятия истории как памяти, так как «история выступает как смысл, в котором создавалась современная историческая мысль. У истории больше нет целей и задач, и она больше не может определять людей (будь то общества или нации) посредством историзма, а это означает, что историю больше нельзя представлять как большие нарративы.

Наш век – век, в котором такая история приостановлена. Это период тотальных войн, геноцидов, конкуренции между ядерными державами, неудержимой технологизации, голода и абсолютной бедности, и все это свидетельствует о том, что эта человеческая история является историей человеческого самоуничтожения» [19].

Именно с такими проблемами сталкиваются общества Северной Африки, которые в условиях незавершенности процессов становления современной государственности как формы функционирования политической нации-государства, оказываются не в состоянии сформулировать собственную модель памяти.

Мемориальная культура и политическая ностальгия

В рамках фрагментации памяти в Ливии после свержения Каддафи изменилось отношение к самому бывшему лидеру страны. Если для одних носителей памяти фигура Муаммара Каддафи подвергается однозначной негативной мифологизации, а образ самого Каддафи воображается и изобретается как военный преступник и политический диктатор, то для носителей других альтернативных версий памяти фигура Каддафи, наоборот, подвергается позитивной идеализации. В этом контексте память подвержена не только значительной фрагментации, но и регионализации.

Примером подобной тенденции является город Бани-Валид, въезд в который украшает огромный портрет Каддафи. Город, расположенный на окраине Сахары, стал пространством принудительной модернизации, инициированной режимом Каддафи [13]. Такое решение было бы маловероятно без соответствующей позиции местных элит, так как именно они на локальном уровне «оказывают определяющее влияние на процесс преобразования символического пространства городов» [1. С. 230], в том числе и в нестабильных обществах Северной Африки, к числу которых относится и ливийское.

В этом отношении его свержение воспринималось местными жителями негативно как национальная коллективная трагедия, потому что результате формальной демократизации они утратили и потеряли надежды на экономический рост и социальное благополучие. Таким образом, память в Ливии подвержена последовательной фрагментации, которая отягощена социально-экономическими противоречиями отдельных регионов. Поэтому для тех сегментов общества, которые ностальгируют по режиму Муаммара Каддафи, функционирует своя версия памяти, основанная на позитивном восприятии погибшего лидера, режим которого ассоциируется с подлинной независимостью и экономическим суверенитетом.

В этой ситуации историческая память оказывается в состоянии конфликта между мемориальной и политической культурой. Если в коллективной исторической памяти режим Каддафи воспринимается противоречиво, то режим, установленный после него, отдельными группами подвергается негативной мифологизации. Поэтому в коллективной памяти актуализируются образы травмы, полученной Ливией в результате свержения Каддафи.

Ситуация с развитием мемориальной культуры в Ливии отягощена не только идеологическими противоречиями и наличием тяжелого исторического и политически неудобного наследия, связанного с режимом Каддафи, которое воспринимается через призму террора, насилия и коллективной исторической травмы, но и наличием территориальных и племенных противоречий [9]. Несмотря на многочисленные попытки авторитарного режима Каддафи не смог построить нацию-государство, интегрируя различные этнические племенные группы в единую структуру гражданской политической нации [15].

В этой ситуации память подвержена не просто процессу постоянной регионализации и фрагментации, но и актуализации локальных племенных особенностей, что самым существенным образом усложняет процессы консолидации ливийского общества, стимулируя растущую фрагментацию памяти, вынуждая ливийское общество практиковать модель мемориальной конфронтации в единственно понятную модель развития мемориальной культуры в обществе, охваченным гражданским конфликтом.

Перспективы развития памяти и мемориальной культуры

Не менее важным фактором в развитии коллективной исторической памяти и формируемой в ее рамках мемориальной культуры является не только наследие эпохи ливийского авторитаризма, но и общеарабское культурное наследие, которое самым существенным образом влияет на эпистемологические практики и стратегии истории как гуманитарной формы знания, воздействуя, вместе с тем, и на память. Абдулхади Алайми, кувейтский историк, полагает, что в современном арабском мире «академическая история обременена и вынуждена использовать традиционные способы создания нарратива, предложенные арабскими и мусульманскими историками в прошлые эпохи, которые лишены интеллектуальных и эпистемологических аргументов, и это укрепило корни этого наследия» [4], консервируя, тем самым, познавательные модели и ограничивая набор допустимых тактик и стратегий как для проведения исторических исследований, так и для формирования коллективных памяти.

Население Ливии подобно большинству других арабских государств исповедуют ислам, а представители иных религий являются меньшинством. В этой ситуации фактор ислама оказывается одним из наиболее влиятельных, которые оказывают существенное воздействие на основные векторы и траектории развития исторической коллективной памяти в Ливии. Если в период пребывания у власти Муаммара Каддафи, исламисты и в особенности сторонники радикального ислама подвергались политическим преследованиям и репрессиям, то после свержения режима политический ислам стал одним из наиболее важных факторов во внутривнутриполитической жизни страны, который начал оказывать значительное влияние на все сферы жизни общества, включая коллективную историческую память.

В этой ситуации политический ислам не смог взять под контроль мемориальную культуру или даже сформировать свою альтернативную контр-память, основанную именно на исламе. Деятельность исламистов в Ливии после Каддафи носила преимущественно политический характер, они оказались среди участников борьбы за власть. В этой ситуации мемориальная культура имела для них второстепенное значение. Тем не менее несмотря на то, что попытки исламистов исламизировать мемориальную культуру и сформировать альтернативную версию коллективной памяти не увенчались успехом, ислам в Ливии после Каддафи внес свой вклад в процесс фрагментации исторической памяти, став фактически активным актором в развитии и функционировании культуры памяти, содействуя углублению мемориального противостояния в этой арабской стране.

Выводы

На данном этапе конфликты в регионе находятся в активной стадии, поскольку Ливия охвачена боевыми действиями с участием широкого круга внутренних и внешних игроков. Эти военные и политические противоречия подпитываются разными версиями, видениями и прочтениями коллективного и общего прошлого. В такой ситуации история, коллективные репрезентации прошлого в разных государствах региона превратятся в символическое поле битвы и противостояния различных акторов, вовлеченных в политические и военные конфликты региона.

История подвергается активному манипулированию и инструментализации, что создает условия для ее превращения в относительно эффективный мобилизационный ресурс, который правящая политическая элита использует как для легитимации нахождения у власти, так и для оправдания активных действий против оппонентов, в том числе в контексте современных

военно-политических конфликтов. История сводится к оправданию политического насилия с помощью символического ресурса прошлого. Формально общее прошлое на самом деле активно используется для национализации истории, превращаясь в ресурс информационной войны, для оправдания военных действий.

Поэтому история активно используется в политических конфликтах между государствами региона, поскольку национальное государство на Ближнем Востоке еще не сформировалось до конца и, следовательно, отсутствуют гражданские и политические институты, которые могли бы разрешить конфликт. В такой ситуации элиты вынуждены обращаться к символическим ресурсам истории по мере углубления конфликта.

Гипотетически можно предположить, что военно-политические конфликты рано или поздно разрешатся, но конфликтный потенциал сохранится. Военно-политический конфликт может перейти в другую форму, представленную мемориальными войнами или войнами памяти, которые также являются конфликтами, отличающимися от текущих конфликтных ситуаций отсутствием реальных военных действий.

Не исключено, что в случае мутации конфликта в сторону «войн памяти» возникнут иные видения прошлого, так как склонность элит инструментализировать прошлое через национализацию истории станет стимулом для новой эскалации, которая приведет к новым конфликтам. Последние будут легитимизированы ссылками на исторический опыт и память и будут находиться в центре интерпретационной модели объяснения военно-политического противостояния в ближневосточном регионе.

Литература

1. Гон М., Івчик Н. Інструменталізація пам'яті: Інший як «виклик» // *Ideology and Politics Journal*. 2020. № 2. С. 229 – 250.
2. Нагорна Л. Культура історичної пам'яті // *Культура історичної пам'яті: європейський та український досвід* / ред. Ю. Шаповал. Київ: Інститут політичних і етнонаціональних досліджень ім. І.Ф. Кураса, 2013. С. 9 – 34.
3. Ahmida A.A. *Genocide in Libya. Shar, a Hidden Colonial History*. L.: Routledge, 2021. 234 p.
4. Alajmi A. History without Debate: A Reading of the Crisis in Arab Historiography // *Forum Transregionale Studien*. 2021. July 15. URL.: <https://trafo.hypotheses.org/30353>.
5. Bachleitner K. International memories in global politics: Making the case for or against UN intervention in Libya and Syria // *Review of International Studies*. 2024. Vol. 50. No 2. P. 271 – 288. DOI: <https://doi.org/10.1017/S026021052300044X>.
6. Dumasy Fr., Di Pasquale Fr. Être historien dans la Libye de Kadhafi. Stratégies professionnelles et pratiques mémorielles autour du Libyan Studies Center // *Politique africaine*. 2012. No 1. P. 127 – 146.
7. Fitzgerald M.A Notorious Prison and Libya's War of Memory. For decades, Libyans feared Gadhafi's Abu Salim prison. Now defunct, it has fallen victim to the country's bitter polarization // *New Lines Magazine*. 2021. March 10. URL.: <https://newlinesmag.com/essays/a-notorious-prison-and-libyas-war-of-memory/>.
8. Flüchter A. History: An Important but Potentially Dangerous Part of the Humanities // *TRAFO – Blog for Transregional Research*. 2021. May 6. URL.: <https://trafo.hypotheses.org/28610>.
9. Glenn C. Libya's Islamists: Who They Are - And What They Want // *The Wilson Center*. 2017. August 8. URL.: <https://www.wilsoncenter.org/article/libyas-islamists-who-they-are-and-what-they-want>.
10. In order to preserve Libya's historical and cultural heritage, the NOC supports the Libyan Center for Archives and Historical Studies // *Libyan Investment*. 2022. March 27. URL.: <https://libyaninvestment.com/in-order-to-preserve-libyas-historical-and-cultural-heritage-the-noc-supports-the-libyan-center-for-archives-and-historical-studies/>.
11. Lamma M. The Tribal Structure in Libya: Factor for fragmentation or cohesion? // *La Fondation pour la Recherche Stratégique*. 2017. September. URL.: <https://www.frstrategie.org/web/>

documents/programmes/observatoire-du-monde-arabo-musulman-et-du-sahel/publications/en/14.pdf.

12. Lowenthal D. *The Past is a Foreign Country*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 489p.
13. Mekouar H. Libyan town clings to memory of Gaddafi, 10 years on // *Mail and Guardian*. 2021. October 24. URL.: <https://mg.co.za/africa/2021-10-24-libyan-town-clings-to-memory-of-gaddafi-10-years-on/>.
14. Rieff D. The cult of memory: when history does more harm than good // *The Guardian*. 2016. March 2. URL.: <https://www.theguardian.com/education/2016/mar/02/cult-of-memory-when-history-does-more-harm-than-good>.
15. Ryan E. *Essay on Sources: Memories of Resistance in Libyan Oral History // Religion as Resistance: Negotiating Authority in Italian Libya*. NY. – L.: Oxford Academic, 2018. P. 173 – 182. DOI: <https://doi.org/10.1093/oso/9780190673796.003.0008>.
16. Ryan E. War, resistance, and memory in Libya's oral history project // *The Journal of North African Studies*. 2023. Vol. 29. No 1. P. 11 – 36. DOI: <https://doi.org/10.1080/13629387.2023.2241016>.
17. Schultze-Kraft M. Historical Memory and Its (Dis)contents // *Education for Sustaining Peace through Historical Memory. Memory Politics and Transitional Justice*. L. – NY.: Palgrave Macmillan, 2022. P. 37 – 61. URL.: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-93654-9_3 DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-93654-9_3.
18. Weidner D. Pluralities, Transfers, Memories: Some Reflections on the Humanities Today // *Forum Transregionale Studien*. 2021. Juny 22. URL.: <https://trafo.hypotheses.org/28712>.
19. შოშიაშვილი ნ. ისტორიული საზრისის გარეშე დარჩენილი ისტორია // *The European*. 2016. March 26. URL.: <https://european.ge/nukri-shoshiashvili-sazrisi/>.
20. შოშიაშვილი ნ. ტრადიციული სახელმწიფო და ნაციონალური სახელმწიფო // *The European*. 2016. April 26. URL.: <https://european.ge/nukri-shoshiashvili-tradiciuli-danacionaluri-saxelmwifo/>.